

С.П. ШВЕЦОВ

КАК ВОДВОРЯЮТСЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ¹

На Алтай переселенцы отправляются из Тюмени или на пароходе, или сухим путем – пешком и на подводах; меньшая часть, люди позажиточнее, отправляются из Тюмени до Томска или даже до Барнаула на пароходе, а беднота плетется сухим путем. За проезд с семьей на пароходе нужно заплатить 20-30 руб., а по приходе в Томск надо купить лошадь с телегой, это выходит двойной расход; вместо этого бедняк приобретает подводу в Тюмени и плетется на ней до места уже без всяких расходов. Только этот путь по пустынным местам медленнее и труднее. Старики и малые ребята едут на телеге вместе с пожитками, а прочие идут пешком. Нередко случается, что две и три семьи складываются и запасаются одной подводой. А иногда целые переселенческие семьи не имеют ни одной подводы и идут всю дорогу от Тюмени пешком, неся на себе вещи в котомках. В Томске особый чиновник опрашивает переселенцев и дает им советы и указания. По таким опросам вычислено за несколько лет, что только третья часть переселенцев, добравшись до Тюмени, имеет денежные средства проехать до Томска и далее, и обзавестись на месте кое-каким хозяйством, у другой трети остаются небольшие гроши, на которые можно только добраться до Томска, у остальной же трети нет и этого, и она бредет далее, питаюсь Христовым именем и терпя всевозможные лишения. Не имея средств платить за постой, такие переселенцы (а также многие и из второй трети, т. е. имеющие подводы) во все время пути не останавливаются в селах и городах, а ночуют в открытом поле, при дороге, невзирая на холод и дождь.

Понятно, что такое путешествие пагубно действует, особенно, на женщин и детей: они болеют в пути и мрут, особенно, дети. Чаще случаются болезни: лихорадка, тиф, поносы, а также дифтерит и, так называемая, куриная слепота, которою страдают наиболее женщины. Хворая сами, переселенцы заносят болезни и в попутные селения, почему местные жители смотрят на переселенцев весьма недружелюбно и сторонятся от них, как от зачумленных.

Нищета и беспомощность целых переселенческих партий иногда доходит до того, что продолжать дальше путь они не имеют сил и оста-

¹ По статье «Переселенческое движение на Алтай», С. Марусина. «Северный вестник». 1891. № 7.

навливаются в первом попавшемся селении, откуда разбредаются в разные стороны, прося милостыню, закабеляясь в батраки к местным кулакам и т. п. Из Томска некоторые партии таких переселенцев отправляли на избранные ими места на подводах (теперь это отменено – подводы не даются), но и в таких случаях они питались подаванием, а так как в попутных деревнях нередко бывает хлеба мало и для своих жителей, то переселенцам приходится прямо голодать до того, что иные не хотят дальше ехать, а требуют везти их обратно в Томск: там, мол, накормят, не дадут умереть с голода. Такие бедствия случаются не только на пути из Томска на Алтай, но и на всех других трактах. Проезжие нередко на дороге встречают целые партии оборванных горемык, которые с плачем выпрашивают подавания, а дети воют голодные.

Из тех же опросов чиновника оказывается, что едва треть переселенцев идет на заранее охлопотанные места, остальные идут по письмам своих земляков из Сибири или даже просто по темным слухам, наугад.

В Алтайский округ направляется значительная часть всех переселенцев, идущих в Сибирь, но там они не находят никакой помощи, которая могла бы сколько-нибудь облегчить, хоть на первое время, трудное положение на новом месте. Там есть достаточно земли, которая отводится переселенцам, но и на просторной земле ничего не поделаешь, если не с чем за нее взяться, и все места незнакомые, и никто не может хоть советами и указаниями. В Тюмени и Томске, и некоторых других городах Западной Сибири есть или переселенческие чиновники, или благотворительные комитеты из местных жителей, которые оказывают наиболее нуждающимся переселенцам кое-какую помощь: дают пристанище на ночь, дают лекарства в случае заболевания, указывают места, где имеются свободные земли для поселения и т. п. В Алтайском же округе, в городах Барнауле, Бийске, чрез которые проходят тысячи переселенцев, нет ничего подобного: нет и простого сарая, где партия могла бы укрыться от дождя и непогоды, нет ни врача, ни лекарств, и нет никакого места, где переселенец мог бы получить хотя бы совет и наставление. Поэтому, добравшись, например, до Барнаула и не имея решительно никаких средств для обзаведения хоть самым маленьким хозяйством, неимущие переселенцы должны прежде всего стараться о насущном куске хлеба, чтобы не умереть с голода; и вот, пришлые бедняки разбредаются по округу, кто искать работы, а кто просто «в кусочки», как говорят во внутренней России. Хорошо тем, кто попадет к страде, когда на рабочие руки там сильный спрос, тогда старатель-

ный человек может заработать столько, что зиму кое-как перебьется с семьей, а кто опоздал к страде, тому остается одно – идти в работники к сибиряку-старожили или к своему же брату-переселенцу, который пришел ранее и уже устроился на Алтае. Редко-редко кому из людей безденежных посчастливится сразу сесть на свою землю.

Приискивая работу и заработок, переселенец должен сам приискывать себе и землю. Для этого семья разделяется, и одни ее члены идут на заработки, а другие ищут землю, теряя для этого немало времени, так как на Алтае хотя и много земли, но вполне подходящую найти не легко.

Новому человеку на Алтае трудно разобратся, столько здесь разнообразия в земельном положении. Есть тут роскошные степи, наилучшие для земледельческого хозяйства, и степи солонцеватые, почти совершенно не имеющие растительности и усеянные сотнями горько-соленых озер; есть местности, уже оголенные от бывших когда-то дремучих лесов, и есть такие, где еще и теперь человек с трудом продирается сквозь вековую чащу; наконец, горы, на которые не везде можно взобраться, местами покрытые вечными снегами. Столь же разнообразно и население, и его земельное устройство: инородцы (оседлые, кочевые, крещеные), крестьяне, казаки, горнозаводские обыватели – все это перемешано между собою, и все живут разное, по своим обычаям, имея свое особое земельное устройство. Кроме земель, состоящих в пользовании этого пестрого населения, есть еще земли пустолежащие, т. е. не разработанные, в промежутках между дачами, отведенными раньше разным селениям; одни из этих земель сдаются в аренду, другие отводятся под переселенческие участки и проч.; наконец, есть обширные площади, состоящие в пользовании заводов и рудников и также сдаваемые в аренду и т. д. Вот тут поселенцу и трудно сообразить, как ему поступить лучше: он может поселиться и в селении старожилов (если примут), и на пустолежащих землях; может снять их в аренду, или хлопотать об открытии нового заселка, или приписаться к мещанскому обществу в каком-нибудь городе; может избрать для себя степь, горы или лесную трущобу, сообразуясь со своим навыком, средствами, тем или другим соседством, да еще смотря по тому, насколько сговорчиво общество старожилов-сибиряков или таких же переселенцев, только ранее причисленных.

Сообразно этому, переселенцы или приселяются к старым селениям, или садятся на землю в новых поселках, или снимают землю в

аренду и т. д. Наибольшая часть переселенцев примыкает к двум первым разрядам, потому о них и будет говорить далее.

В разных местах число переселенцев является далеко не одинаковое: в одни пункты они набиваются тысячами, а в других их очень мало или и совсем нет. Больше всего переселенцы направляются в Барнаульский округ, а затем в Бийский, несмотря на то, что там по числу населения меньше земли, чем в округах Кузнецком и Томском, а именно: в первых двух округах приходится на работника 44 и 65 десятин, а в остальных двух – 71 и 106 десятин¹. Всего более переселенцы садятся на землю в степной части Алтая, избегая гор и глухой тайги, только изредка отдельные семьи или по несколько семей поселяются в горах и лесах.

Чтобы пристроиться к старому селению или к новому заселку, для этого требуются условия не одинаковые. Главная разница в том, что для причисления к старому селению нужно получить приговор крестьянского общества (а это обходится очень дорого, как увидим далее) и разрешение Главного Алтайского управления, а для поселения в новом заселке, на участке, отведенном именно для переселенцев, приемного приговора не надо, достаточно одного разрешения Главного управления. Таким образом, в последнем случае, т. е. при поселении в новом заселке, бывает меньше хлопот, а это для переселенцев очень важно, потому что получить приемный приговор бывает очень затруднительно.

Но с другой стороны, водвориться в старом селении для переселенца гораздо удобнее, чем на новом участке. В старых селениях бывает земли больше, и качеством она лучше, чем в новых заселках (в которых отводится на мужскую душу не более 18 десятин), и расположены старые селения в местах более удобных, а что самое главное для новосела, здесь легче найти на первое время и квартиру, и заработок, легче и хозяйством обзавестись, так как, нанимаясь в работу, новосел может выговорить, чтобы хозяин вспахал и засеял ему сколько-нибудь земли, пока у новосела не будет своего скота и нужных орудий. На новом же участке этого не может быть, потому что кругом все такой же народ, как и он сам, наняться в работники не к кому, и никто ему не поднимет целины и не засеет полосы, приходится прежде самому идти на сторону и зарабатывать столько денег, чтобы хватило на покупку всего необходимого, и уже потом приниматься самому за распашку новины. На все это требуется много средств, сил и времени, не менее двух-трех лет.

¹ Но в настоящее время есть волости, где на работника не приходится уже и 10 десятин, столь в иных местах (конечно, лучших) погустело население.

Поэтому, хотя и легко приписаться на новый участок, но большинство переселенцев всеми силами старается прежде пристроиться как-нибудь к старым селениям и только если это окажется невозможным, обращается к новым заселкам и избирает один из них.

Если переселенцы больше желают поселиться в обществах старожилов, то и старожилы иногда находят для себя выгодным, чтобы переселенцы оставались у них подолее, потому что в таком случае можно иметь дешевые рабочие руки, в которых большая часть алтайских деревень очень нуждается в страдное время. Но тут начинаются и бесконечные несогласия и неприятности между старожилами и новоселами, потому что и те и другие всячески стараются получить больше выгод в свою пользу, не брезгуя для этого никакими средствами.

Например, в селе Думчевском, Барнаульского округа, года четыре тому назад (1886) общество старожилов потребовало, чтобы десять семейств переселенцев немедленно выехали из селения, а когда те на это не соглашались, то отобрало у них пашни, и некоторые члены общества, вместе с сельским старостой, разломали в девяти избах печи, порубили изгороди и проч., и вообще отношения между старожилами и новоселами стали крайне враждебны. Чем же было вызвано такое самоуправство? На этот вопрос переселенцы отвечали, что сами не знают, что жили они в своих домах, все наложенные на них подати и повинности несли исправно, что они хотели бы навсегда остаться в селении, но общество не соглашается и т. д. А старожилы говорили, что в 1883 году десять семей крестьян Пензенской губ. остановились в селе Думчевском только для полевых работ, а проработавши осень, остались на зимовку, но переселенцы живут очень неопратно (были они мордовского племени), и никто не соглашался держать их у себя на квартире, а так как нельзя же было людям оставаться на зиму без крова, то общество разрешило им временно построить избушки, в которых они могли бы перезимовать. Но переселенцы, кое-как обстроившись и обзаведясь крохотными избушками, начали заводить скот и распахивать землю, надеясь совсем остаться в селении. Между тем общество не выдавало им приемных приговоров и требовало, чтобы они выехали, подавали ряд жалоб, начиная с волостного правления и до губернатора. Чиновник по крестьянским делам предлагал переселенцам избрать себе другое место, но те крепко засели в селе Думчевском и не двигались с места. Так прошло четыре года, в продолжение которых общество несколько раз назначало срок, когда переселенцы должны были выехать, но те си-

дели и сидели; имея 120 голов скота, они не городили поскотины, не несли повинностей.

Кто тут прав, кто виноват, трудно разобрать: каждая сторона домогалась своих выгод. Старожилы нуждались в переселенцах на рабочее время, а когда оно кончилось, хотели их выжить; а переселенцы, раз усевшись, решили всеми правдами и неправдами остаться в селе, для чего понемногу заводили хозяйство, скот, распахивали землю. Старожилы настойчиво гнали новоселов, а новоселы настойчиво отсиживались, вследствие чего вражда усиливалась и довела старожилов до самоуправства. Такие случаи бывают на Алтае сплошь и рядом: выжить новосела, когда он раз забрался куда-нибудь и кое-как поселился, очень трудно, он будет держаться, несмотря на обиды, брань, побои, не обращая никакого внимания на то, желает общество иметь его или не желает, пока общество не выйдет из всякого терпения и не ополчится поголовно. В минувшем 1891 году были целые побоища между старожилами и новоселами, которые, наконец, выгонялись, с полным разорением.

Иные общества старожилов притесняют новоселов всяческими способами. Например, староста и сельский писарь деревни Полковниковой несколько лет назад объявили переселенцам, проживавшим в этой деревне, будто вышло распоряжение, чтобы переселенцы причислились к обществам не позже 1-го марта, а те, кто не причислится, будут после этого срока высланы на родину по этапу. Понятно, как должны были от этого объявления перепугаться новоселы, уже имевшие свои дома и хозяйства, а общество было согласно на причисление этих новоселов, но только требовало с них за это высокую плату, и вышесказанным объявлением хотело только понудить новоселов исполнить требование общества. Некоторые общества, для удобнейшей прижимки переселенцев, нарочно продают им свои дома и дозволяют строиться, так как переселенец, имеющий свой дом, скорее согласится на невыгодные условия, чтобы только не разорять своего угла. Но и переселенцы, как только причислятся к обществам, мало чем отличаются в этом отношении от старожилов-сибиряков: они также требуют больших денег за причисление новых пришельцев и также притесняют хотя бы самых круглых бедняков, как и их самих притесняли, собственное горе легко ими забывается, и они охотно заставляют горевать новых людей; «мы платили, – говорят они, – пускай и они платят». Мало того, переселенцы, даже причисленные в

новых заселках, берут деньги за прием вновь прибывающих товарищей, хотя им хорошо известно, что для причисления к этим заселкам не требуется приемного приговора, да и сами они селились, не платя никому ни гроша.

Вообще, новым переселенцам, пока они не водворятся прочно, приходится в Сибири очень трудно как от старожилов, так и от переселенцев, причисленных прежде: все норовят чем-нибудь от них поживиться или наложить на них лишнюю тяготу. Так, например, не редки случаи, что местные общества старожилов не только раскладывают на вновь прибывших и непричисленных переселенцев платежи и повинности, лежащие на обществе, но еще в большем размере против членов общества, которые пользуются всеми правами, не давая таковых новоселам. В переселенческом заселке Костин Лог новоселы были обложены двойным окладом, и когда не могли его уплатить, то общество отобрало у них для продажи хомуты, коров и овец.

Впрочем, так несправедливо поступают с переселенцами не во всем округе, а лишь там, где народу набилось уже много. Напротив, в других селениях, где земли много, а людей мало, там переселенцам даже рады и берут с них за причисление невысокую плату – 6-10 руб. с души, а в некоторых селениях принимают даже бесплатно.

Бывают и такие случаи, что новые пришлые люди, умножившись и утвердившись на месте, начинают теснить и прижимать старожилов, сколько хватает сил и умения, забывая при этом всякую жалость и совесть. Есть много примеров, что из селений, где новоселы составляют большинство, коренные сибиряки выселяются на новые места: «лапотники выжили», – объясняют они причину своего переселения. Как только к селению причислилось порядочное число новоселов, они начинают вымогать у старожилов согласие на причисление еще новых переселенцев. Чтобы понудить их к этому, новоселы грозят потребовать передела земли, к ним пристаёт беднейшая часть старожилов, для которых передел выгоден, и, таким образом, желающие передела составляют большинство. Средние и зажиточные домохозяева, для которых передел невыгоден, боятся его и соглашаются на прием новых переселенцев. Таким образом, переселенцев набирается в селении все больше и больше, и сибиряки начинают уходить в другие места, а вместе с тем борьба между старожилами и новоселами заменяется борьбой между причисленными и непричисленными.

Те переселенцы, которые почему-либо не устроились в старых селениях, разыскивают в округе пустующие земли и селятся на них с разрешения начальства, заводя новые поселки или приселяясь к открытым уже поселкам, заселение которых началось ранее.

Условия поселения на новых участках весьма льготны. Отыскав для себя подходящее место, переселенцы заявляют об этом в Главное управление Алтайского горного округа, которое наводит справки, свободно ли просимое место, не принадлежит ли оно к крестьянской или заводской даче, и затем посылает межевщика осмотреть просимое место, определить, пригодно ли оно для заселения и проч. Если по этому осмотру местность окажется удобною для образования селения, то на это дается разрешение, а в противном случае переселенцам предлагают поискать другого места или приселиться к заселку, уже разрешенному. Иногда переселенцы, несмотря на неудобства, напр., на недостаток воды, все-таки желают осесть на избранном ими месте, тогда, не разрешая заселку, начальство позволяет им снять облюбованную землю в аренду.

Таким образом, для водворения переселенцев установлен весьма простой и удобный порядок. Однако же, несмотря на это, переселенцам бывает очень затруднительно устраивать новые заселки и, главным образом, вот почему. Прежние переселенцы обыкновенно занимали землю захватом (чего теперь уже не допускается). Понятно, что после этого остались незанятыми, пустующими только худшие земли по качеству почвы или по дальности от дорог, больших селений и т[ому] под[одное]; лучшие же земли вошли в дачи старых селений, заводов и проч. Поэтому в большинстве случаев новые участки представляют далеко не все нужные удобства, а потому заселяются неохотно. Так, например, в Томском округе, в Локтевской волости, образован Шелковниковский заселок, ему отведен участок земли свыше 15 тысяч десятин, но из них половина имеет солонцеватую почву и годится только под выгон, да и другая половина должно быть немногим лучше, потому что в пять лет к Шелковниковскому заселку причислилось всего 270 душ. В том же году открыт для поселения в Бийском округе Кузнецовский участок. В его даче считается удобной земли за 63 тысячи десятин. Вся эта местность вполне пригодна для хлебопашества, но представляет совершенно безлесную и почти безводную степь, лишь на границе дачи протекает небольшая речка, на берегу которой и заложен поселок. Ближайший лес – за 80 верст от селения. Здесь за пятилетие поселилось 853 души, но им

приходится бедствовать, добывая топливо издалека и ездя на полевые работы за многие версты. Или вот еще пример неудобных условий, в которых находится заселок Костин Лог. Здесь единственная речка образуется из тающих весной снегов, но к половине лета она окончательно пересыхает и новоселы бедствуют без воды. Поэтому, хотя здесь поселилось более 500 человек, но по причине безводья, некоторые семьи начали переселяться в другие места.

Бывают случаи, что переселенцы, облюбовавши землю, поселяются на ней самовольно, обстраиваются, разрабатывают пашню и проч., а потом оказывается, что эта земля принадлежит к участку, уже отведенному для другого селения. Начинается тяжба законных владельцев с новоселами, которые в конце концов, как ни упираются, а бывают вынуждены уходить с захваченного участка; таким образом, пока тянулось дело, проходили целые годы, новоселы много затратили тяжелого труда, но все это пропало без пользы. Или бывают такие случаи: переселенцам отведут участок, на котором они и поселяются; однако, хотя эта земля и была свободная, никому прежде не отведенная, но ею самовольно пользовались соседние поселенцы и привыкли к этому, поэтому им бывает досадно и жалко, что явились новоселы и лишили их дарового угодья, и между теми и другими начинается озлобленная вражда, которая много вредит их спокойствию и благосостоянию.

Поселение в Алтайском округе на основании нынешних правил разрешено с 1866 года, т. е. 30 лет тому назад¹. Сначала, конечно, заселение происходило довольно слабо, а в последние годы значительно усилилось. Прежде переселенцы охотнее приселялись к существующим селениям, потому что это было гораздо легче – старожилы принимали их на льготных условиях. Но в последние годы это становится все труднее и труднее, так что уже целая половина новых переселенцев оседает на вновь отводимых участках и заводит новые селения. А именно, в три года – 1887, 1888 и 1889 в Алтайском округе поселилось всего 51 249 человек, и из них причислилось к обществам старожилов 25 021 человек, а поселилось на новых участках 26 228 человек. Таким образом, большинство избрало для себя новые участки, несмотря на разные неудобства поселения на них, объясненные выше. Вероятно и впредь с каждым годом переселенцы будут все больше и больше оседать на новых участках, потому что старожилы, еще 10 лет тому назад охотно

¹ Другие источники называют 1865 г. (Ред.)

принимавшие новоселов, теперь, боясь земельной тесноты, все больше и больше от них отрещиваются, ставя для их причисления все более тяжелые условия, а именно – сильно поднимая плату за приемные приговоры, которая теперь доходит до 40-50 и более рублей с мужской души или до 100 и более рублей с семьи. Вероятно, с каждым годом эта плата будет все более подниматься, так что причисляться к старым селениям будут в состоянии только самые зажиточные переселенцы.

В заключение любопытно посмотреть, каково живут переселенцы, осевшие в Алтайском округе? По имеющимся сведениям, на этот вопрос дается такой ответ, что благосостояние многих новоселов быстро развивается, многие из них в несколько лет вполне укрепляются и пускают прочные корни на новом месте, зажиточность их возрастает, они имеют вдоволь хлеба, много скота и проч. Но это только многие, а далеко не все. Рядом с довольством можно встретить полную непокрытую нищету, которая ютится по задворкам у старожилов и у своих же более счастливых братьев-переселенцев и находится в кабальном батрачестве у хозяев зажиточных. Иные не находят даже и такого места и идут в Барнаул, где есть целых две улицы из землянок, в которых живут сотни переселенцев, не нашедших нигде лучшего приюта. Жители этих землянок, натерпевшись всякого горя, видно совсем выбились из сил, если не отважились воротиться на родину, как возвращаются многие, обманувшись в своих надеждах найти на Алтае все, что им нужно. Какая именно часть переселенцев достигает благосостояния, а какая часть бедствует или возвращается домой – этого никем в точности не сосчитано, да едва ли и можно сосчитать, но только можно безошибочно полагать, что лишь при благоприятных условиях переселенцы устраиваются хорошо. А главное из этих условий есть то, чтобы у переселенца были какие-нибудь средства для обзаведения хозяйством и пропитания семьи на первое время: если есть такие средства, то переселенец, никому не одолжаясь, не отдавая своей работы на пользу чужого хозяйства, может скоро утвердиться на новом месте, сделаться настоящим хозяином и достигнуть довольства, если же таких средств не имеется, то бедняку с семьей приходится долго мытарствоваться и терпеть всякую нужду и лишения. Кто посильнее и выносливее, тот рано или поздно может выбиться из бедности и зажить, если не богато, то без нужды, а слабым людям приходится пропадать, не добившись до гробовой доски лучшего устройства своего быта. Поэтому напрасно думают бедняки во

внутренних губерниях России, что стоит только добраться до сибирского приволья, до тамошних «вольных земель», а там уже можно найти всякое благополучие. Нет, с пустыми руками и в сибирском приволье ничего не поделаешь. Земли там действительно много, хотя и не везде она хорошего качества, но чтобы получить из нее все, что нужно человеку, необходимо прежде затратить на все много труда, и приходится ждать немалое время, пока она не даст желанных плодов, а до тех пор нужно жить и кормиться своими средствами. Если же таких средств не имеется, и переселенцы доберутся до вольных земель обнищавшие и измученные, то и с хорошей землей им ничего не поделать, и остается им только одно – идти в батраки, закабеля местным кулакам на много лет и себя, и своих детей.

Швецов С.П. Как водворяются переселенцы в Алтайском крае / С. Марусин // Сведения о Сибири: (сборник статей «Сельского вестника» о Сибири и переселении). С картою Российской Империи в Европе и Азии / Издание редакции «Сельского вестника». Санкт-Петербург: типография Министерства Внутренних Дел, 1897. С. 218-229.